

РАЗГОВОР С ГОСПОЖОЙ ЭПОХОЙ

Т. и Л. Бунякиным

Нет, конечно, не страшно,
случалось похлеще:
То сорвёшься с петли,
то — взлетишь акробатом,
То сожмут, как Отелло,
инфляции клещи,
Или просто зацепишься
словом горбатым.

Всё измерено
и застраховано вроде.
Пересчитаны шансы
судов и кассаций,
Но за кадром
гудят пароходы пародий,
Чтобы блажь эта
былью не стала казаться.

Два витка
в директории тысячелетья.
Две подачи —
и гол стадион взбудоражит.
Захлебнулась эпоха
распятый и сплетен,
Полонило затмение
души и разум.

Петушимся по поводу
бури в стакане,
Будто это глобальной,
чем пульс Андромеды,

Но моргнуть не успеем,
как в летопись канет
Эта буря
и акты из трагикомедий.

Стало душно,
хотя на термометре — минус.
К эскулапам
наведываемся всё чаще.
Разучились мы
даже беседовать мирно
И, как прежде, не делом,
а сердцем общаться.

Не заменят ни факс
и ни почта e-mail
Эти мощные импульсы
бывшего братства.
Кто услышать других
в наше время умеет?
Кто осмелится
в дебрях своих разобраться?

А эпоха пасует
в финальном забеге.
Не хватает ей
воздуха, веры, бензина.
Ей бы топлива с Марса,
а может быть, с Веге,
И хоть каплю чутья,
чтобы сообразила,
Что швырять «на авось»
себя больше не стоит,
Что молвы эпидемия —
яростней СПИДа,

Что способна ещё
к возрождению, то есть
Предостаточно горечи
ею испито.

А пока —
приговоры штампуются звонко.
Полыхает сирень.
Угасают камины.
Продолжается эта безумная гонка,
Где всегда не хватает
молитвы и мига.

ВАМ, ВОШЕДШИМ В НЕБО...

*(Памяти 224 жизней, унесённых неведомым ветром
в вечность 31 октября 2015 г. в небе над Египтом)*

Закричало Небо: — Помоги, Египет!
Разорвались жизни. Утешенье — блеф.
Все слова бессильны перед словом «гибель».
Как суметь подняться, шок преодолев?

Материнский траур никогда не гаснет.
Жжёт незаполнимость половинных душ.
Вырвали у скольких главное богатство!
Для чего надежду на расстрел ведут??

Небо дрожью сводит. Шаг в него, как в бездну.
Кто решится снова испытать свой рок?
Что в разгадке: Случай? Сроки? Неизбежность?
Иль за зверскость действий праведный урок?

А пока: Вопросы. Версии. Разборки.
Мириады мифов. Слезный водопад.
Все на беспределе от вестей разбойных.
Сколько, сколько можно по беде ступать??

Вам, вошедшим в Небо, ЧТО мирские копыя?
Ни к чему хоромы. Слава. И престол.
Эти все игрушки отдали вы скопом.
Вам вручили Небо. Всё пред ним ничто.

Фокусы фортуны — наш удел исконный.
Так зачем ещё друг друга истреблять?
Помните: бесстрастны Космоса законы.
Прозревайте срочно! В западне Земля!..

МОЛИТВА МАТЕРЕЙ

Молитесь за детей. Послушных и строптивых.
Ведь нашу жизнь они наполнили своей.
Не создано ещё значительней мотива,
Чем монолитная молитва матерей.

О Господи, прости в них наши отклоненья —
Разомкнутость души. И замкнутость углов.
И хоть они для нас по жизни — оппоненты,
Мы просим, чтоб не нам, а им чтоб повезло.

Чтоб не случилось им пройти огонь и воду.
Быть в рабстве у пилюль. У рюмок. У любви.
У собственных детей, что нас в тупик заводят.
Пусть и себя, и мир сумеют удивить.

Чтоб был их путь земной размашист и немерян.
Чтоб на своих ногах. И при своём уме.
Чтоб разобраться в сути бытия сумели.
И поняли — уметь достойней, чем иметь.

Не ждите от детей с собой единых действий.
Хоть выходцы они из наших кровных недр.
Всё так, как быть должно.
Всё к лучшему.

Надейтесь!
Компьютерных программ для материнства нет.

Понять бы, что они — свободная стихия,
Отдельная от наших страхов и надежд.
Мы сами ведь творили выходки лихие,
Что каждый нерв у наших мам балдел.

Кто бросил вас, кто предал — и за тех молитесь.
Нам курс «священной боли» звёзды взять велют.
Увы, преподают его родные лица.
Ведь дети — посланные нам учителя.

Молитесь за чужих, за сложных и колючих,
За изгнанных и избранных детей.
Ко всем найти попытайтесь свой особый ключик,
Чтоб по орбите их хоть раз бы с ними пролететь.

Пусть будет этот зов услышан Небесами,
Чтоб нашим чадам стать добрее и мудрей!
Чтоб их в любых мирах хранили и спасали!
Да сбудутся,
 да сбудутся
 молитвы матерей!

К ТОЛКОВАНИЮ ОДНОГО ПРОРИЦАНИЯ

*Вас ждёт посмертная слава
и пожизненное изгойство...
(Одно из прорицаний, неоднократно
высказываемых автору этих
и последующих строк)*

Ни награды, ни райские кущи,
И ни патока почестей лестных
Не заменят тот миг всемогущий,
Когда строчки из пазухи лезут.

С чем сравнить этот выход весомый?
Разве только с касанием чуда,
Где сплетаются рифм хромосомы,
Поэтичность момента почуяв.

Но творения акт наказуем.
Истый голос рвёт хилые уши.
И недаром безгласые зубры
Его так оглушительно глушат.

Этот праздник — отнюдь не для слабых.
Хочешь в сильные — травли не бойся.
Ведь пророчат посмертную славу
И пожизненное изгойство.

Новизной эта схема не пахнет.
У неё слишком крепкие корни.
Ренессанс уготован для павших.
А живых — погребением кормят.

Донимают практичные асы
Поменять род занятия срочно.
Для меня же нет большего класса,
Чем стащить из-за пазухи строчку.

Объяснение — съезд скважин замочных.
Дар Небес — наваждение и кара.
Кто из самых влиятельных может
Объяснить поведение Икара?

Выбор мой — не алмазы, не манна,
И не пышность подъездов престольных,
Не отёчность тугого кармана,
И не членство в придворных застольях.

Хочочу над рабами комфорта
И над власть предержавшим плебейством,
И кричу на внушительном форте:
— Бейте нас, созидавших, бейте!

Утвердиться хоть в чём-то вам надо.
Прямо в князи из грязи — легко ли?
Наше слово — тюльпаны в гранатах.
Вам к лицу — бессловесные роли.

Нас услышат. Сведутся все счёты.
Кто есть кто — жизнь однажды покажет.
Жертвой быть, заявляю, почётней,
Чем рабом и всеильной букашкой.

Тем жива. Устремляюсь за главным.
О регалиях не беспокоюсь.
И меняю плебейскую славу
На пожизненное изгойство.

МОЕ ПОКОЛЕНИЕ

*Посвящается всем
безвременно из него ушедшим*

Смерть самых лучших выбирает
и щелкает по одному.
Владимир Высоцкий

Мы — поколение выставок,
Раздавленных бульдозером.
Мы — поколение высланных,
Разъятых, травимых, задолбленных.

Мы — поколение болтиков
Без имени и без места.

Наших отцов оболганных
Вернули нам лишь посмертно.

Мы — поколение астматиков.
Нас душит вина и кашель.
Но мы не слишком внимательны
К тому, кто и что про нас скажет.

Мы — поколение возраста,
Не переходящего в старость.
В отравленных порах воздуха —
Токсины атомных станций.

Мы — поколение молчальников
Средь тонны опусов пресных.
Если уж нас печатали, —
То с оглушительным треском.

Мы — поколение заочников.
Сизиф против нас — снежинка.
Мы — поколение очереди
За хлебом. За справкой. За жизнью.

Мы — поколение отшельников,
Вжатых в себя, как улитки.
Разве у нас отношения? —
Комплексы и конфликты.

Мы — поколение, которое
В лозунгах сплошь и подделках.
При нас обнажали историю —
Как продажную девку.

А мы у столба позорного
От славословья глохли,

И жизнями нашими сорванными
(А это почище, чем глотки)
Из репродукторов совести
Захлебывался Высоцкий.

Для тех, кто с душами голыми, —
Всегда наготове топор.
Лишь с достойных слетают головы,
Растоптанные толпой.

.....

**Неправда, что незаменимых нет!
Оригинал не заменить на снимок.
Под этим суетным брожением планет
Те, кто ушли, — никем не заменимы.**

БАЛЛАДА О НЕВПИСЫВАЕМОСТИ

Я не вписываюсь
в заурядную замкнутость групп,
в безапелляционную хрестоматийность
компаний,
Я не вписываюсь туда,
где элегантно друг другу врут
и обаятельно ямы друг другу копают.

Заключенно, как в списке,
Отвергаю молву.
Я живу без прописки.
Я крылато живу.

Я не вписываюсь
в имена, этикетки, застолья,
шаблоны и культы.
Меня нет среди вас.
Я притянута зовом высот.
Мне скучны ритуалы,

кликуши, чины, разговоры о кухне.
Обывательский облик — по мне —
будто пуля в висок.

Принята я соснами,
Бездностью небес.
Вся, как есть, осознана,
С шишками и без.

**Я не вписываюсь
в подпевалы, инвестменты, правила,
в макси и мини.
Только Космос в ответе
за то, что меня приручил.
Существую я с вами в одном,
но раздвоенном мире,
Где обычно пеняют на следствие,
но не находят причин.**

Я, как кошка Киплинга,
Сама по себе.
Пробегаю гибельно
По своей судьбе.

**Учащенное дыхание жизни
пульсирует в строчках.
Рифмы моих стихов ускользающи.
Ритмы — тахикардичны.
Они будоражат дух.
Раздражают блаженность.
Разрушают привычки.
Но это —
не болезненная одышка.
Просто —
я не вписываюсь в статичность.**

Ночь трагедией пропитана,
Как дождем земля.
Никуда — уввы! — не вписываюсь.
Не вписываюсь я.

**Может быть, я — мишень,
Но во мне — Паганини
со вспоротым нервом,
Оглушенный Бетховен,
петля на цветаевском горле,
разъятые мифы Дали.
Я не вписываюсь в торгашей,
в учителей, снобов, придворных,
Но прописана в каждом,
в ком празднество Духа царит.**

Доскажу свои истории
И шутя уйду
По дороге непроторенной
На свою звезду...

АНДРЕЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ В НЬЮ-ЙОРКЕ

(Шуточная реальность)

Забыты:

Еда.

Служболепие.

Личная жизнь.

И за стенкой

Пустой холодильник —

свидетельство полного быта.

Сейчас

на орбиту

запущен

Андрей Вознесенский,

И мы
под него
подгоняем
все наши орбиты.

Летим:
обнимая соседей
и сумки,
как сельди,
Которых
слегка
недо-
пере-
мариновали.

Один

Среди нас
гениально рассеян,
Плащом
укрывает
уснувший
Лонг-Айленд.

Уносит:
на вилке
крещендо,
запоем
тянущего в форте,

Сквозь
чёрную магию «О»
и газетных анонсов.

По горло

Загонит
в себя
неуёмная скорость,

Как будто
прорвало

аорту
у нашего Форда.

Как парусно
нам не хватает

«Юноны» с «Авосью»!

Авто-
графы —

градом,
украденным с неба, —
на полки.

Чернеют
ряды графоманов,

уоставшие нить и злосло-

вить.

Потом

Развернётся
в другом

измеренье

эпоха

и вспомнит

О том,
кто себя —

как хирург —
перекраивал

в ХИЛТОНСКОМ ЛОББИ.

Зовут:
репор-

тёры,
регламенты,

прочих случайностей

СОТНИ.

От лиц
и звонков
не предвидится
вскоре спасенья.

Главу
Обрываем.
Безудержно
цедим
томатные соки...

А память —
свечою —
разбудит
своих поселенцев:

Пустой холодильник.
«Юнона».
Андрей Вознесенский.